

Б. А. РЫБАКОВ — ВЫДАЮЩИЙСЯ ИСТОРИК И АРХЕОЛОГ

П. П. Толочко

Борис Александрович Рыбаков занимает особое место в отечественной исторической науке. Широкий диапазон творческих интересов, охватывающий все области истории и культуры от глубокой праславянской старины до Руси IX—XIII вв. и России XIV—XVI вв., блестящая археологическая и историческая эрудиция, глубокое и правдивое проникновение в прошлое, тонкий источниковедческий анализ, оригинальность решений являются неотъемлемой чертой всех трудов историка.

Европейскую известность Б. А. Рыбакову принесла фундаментальная монография «Ремесло древней Руси», вышедшая в 1948 г. Эффект появления этой работы был необычайным. В ней, впервые в отечественной историографии, Киевская Русь предстала как страна с высоким, европейским уровнем ремесленного производства. В ряде его отраслей, что убедительно доказал Б. А. Рыбаков, русские мастера даже опережали своих западноевропейских коллег. Без преувеличения можно сказать, что состоялось открытие настоящей Руси. С тех пор минуло 50 лет, но этот капитальный труд, с невообразимым объемом аналитической работы, остается лучшим и по сей день. Если бы Б. А. Рыбаков кроме «Ремесла древней Руси»

не создал никакой другой работы, то и тогда он вошел бы в отечественную историческую науку как один из выдающихся ее подвижников.

Но после «Ремесла» из-под его пера вышло еще более 20 монографических исследований и каждое стало крупным явлением в исторической науке. Блестящий анализ фонда письменных источников Киевской Руси выполнен Б. А. Рыбаковым в монографиях «Древняя Русь. Сказания, былины, летописи» (1983), «Русские датированные надписи XI—XIV вв.» (1964), «Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве» (1972). Глубокая языческая старина нашла отражение в фундаментальном двухтомнике «Язычество древних славян» (1981) и

«Язычество древней Руси» (1987). Синтетическому освещению истории Киевской Руси посвящена книга «Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.» (1982). Если прибавить к этому перечню монографии «Геродотова Скифия» (1979), «Русские карты Московии XV—XVI вв.» (1974), «Мир истории» (1984), «Петр Бориславич. Поиск автора «Слово о полку Игореве» (1991), «Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия» (1993), а также сотни статей, можно представить, сколь широк диапазон творчества Б. А. Рыбакова и сколь огромен его труд.

По объему написанного Б. А. Рыбаков стоит в одном ряду с такими корифеями отечественной исторической науки как Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, В. О. Ключевский, М. С. Грушевский. Что касается искусства, то здесь у него, пожалуй, только один соперник — Н. И. Костомаров. Язык научных трудов Б. А. Рыбакова удивительно ярок и образен. Изложение материала всегда увлекательно, доступно для самых широких читательских кругов. Не случайно, едва появившись на свет, они, каким бы тиражом не издавались, очень быстро становились библиографической редкостью. В этом их высокая общенародная оценка.

Огромные знания и совершенное владение исследовательской методологией позволяют Б. А. Рыбакову ставить и успешно решать самые сложные проблемы. Предложенная им периодизация истории Киевской Руси, в основе которой положено социально-экономическое развитие древнерусской народности IX — середины XIII вв., является одной из наиболее аргументированных.

Большое место в трудах историка занимает проблема происхождения восточнославянской государственности и образования Киевской Руси, которая для него не просто исследовательски важна и интересна, но и актуальна, поскольку очень часто, особенно в трудах историков-норманистов, находила тенденциозное освещение. Анализ исторического и социально-экономического развития восточных славян VI—IX вв. позволил Б. А. Рыбакову сделать обоснованный вывод о глубоких закономерностях их внутреннего политического развития, приведших к появлению у них государственности. Древнерусское государство сложилось задолго до прихода на берега Волхова и Днепра варягов и, разумеется, без их определяющего воздействия.

Аналогичен подход Б. А. Рыбакова и к хазарским влияниям. Историки, согласно ему, сделали слишком широкие выводы из перечня тех народов, которые платили дань хазарам. Дань не может рассматриваться как политическая зависимость. Ни один источник (включая и хазарские) не говорит о власти хазар над Русью. А равенство титулатуры хазарского кагана и киевского князя, также именуемого каганом, окончательно отвергает возможность признания киевского князя вассалом хазар.

Поиски внешних импульсов русской государственности, утверждает Б. А. Рыбаков, бесперспективны. Государственность не импортируется извне, не возникает только из необходимости уплаты дани. Уже к VIII—IX вв. общеславянский процесс накопления хозяйственных и социальных предпосылок государственности обозначен достаточно ясно.

Большое место в исследовании Киевской Руси историк уделял народным массам — «смердам» и «ремесленникам», являвшимся истинными творцами истории. В моменты крупных потрясений, внутренних или внешних, именно народу приходилось решать свою судьбу. Подъем всех русских земель на рубеже X—XI вв. Б. А. Рыбаков совершенно справедливо связывает с тем, что народные силы в большей мере, чем раньше, могли проявить себя и в построении рождавшегося государства, и в борьбе с внешними врагами Руси. Особенно значительной общественной силой на Руси, как показал Б. А. Рыбаков, были городские ремесленники, которые сами в непрерывной борьбе и восстаниях создавали то новое, что делало город «точкой роста» феодальной социально-экономической формации на Руси.

Б. А. Рыбакову принадлежит оригинальная концепция развития Руси периода феодальной раздробленности. Он первым аргументированно доказал, что феодальная раздробленность, сопровождавшаяся разделением Руси на отдельные независимые княжества, не может считаться временем упадка и регресса. Новая политическая форма русской государственности полностью соответство-

вала высокому уровню производительных сил и этим обеспечивала небывалый расцвет культуры русских княжеств XII—XIII вв. По его мнению, эпоху от 30-х г. XII по 40-е г. XIII в. вернее называть не периодом феодальной раздробленности, а периодом развитого феодализма, характеризовавшегося потребностью налаживания нормального производства на феодальных началах в деревне и городе*.

В последующих работах тема «Русь в эпоху феодальной раздробленности» получила дальнейшее развитие. В книге «Слово о полку Игореве» и его современники», сквозь призму биографий политических деятелей XII в., Б. А. Рыбаков показал всю многосложность реальной политической обстановки на Руси. В ней обнаруживались не только глубокие закономерности дробления Руси на княжества, но также и элементы ее единства. Главными среди них были: долевое участие ряда крупных князей во владении Южной Русью — древним ядром государства, рассматривавшимся в XII—XIII вв. общей династической собственностью, а также борьба с общерусским врагом — половцами.

Феодальные рубежи княжеств не могли скрыть от историка тех общих закономерностей, которыми характеризовалось развитие всех русских земель. В русской жизни этого периода, как считает Б. А. Рыбаков, уже хорошо заметны такие явления, как создание крупных экономических областей, преодоление замкнутости феодального натурального хозяйства, установление экономических связей города с деревней, однако они не поспевали за распадом недавно сложившихся русских княжеств.

Анализ письменных источников привел Б. А. Рыбакова к выводу, что в эпоху феодальной раздробленности Руси XII—XIII вв., несмотря на существование нескольких десятков княжеств, единство древнерусской народности хорошо осознавалось и находило отражение в терминологии — вся Русская земля противопоставлялась обособленным вотчинам князей. Археологический материал, согласно историку, также не дает возможности уловить хоть какие-то признаки распада древнерусской народности.

Роковым для исторических судеб Руси Б. А. Рыбаков считает монголо-татарское нашествие. Полемизируя с историками, не видевшими губительности

* Безусловно соглашаясь с определением социально-экономической сущности Руси XII—XIII вв., ряд историков, в том числе и автор этих строк, не считают безусловным вывод Б. А. Рыбакова о политическом расчленении единой Руси после 30-х г. XII в. на ряд независимых княжеств-королевств.

прохождения орд Чингис-хана и Батыя по русским землям, он в доказательство своего вывода приводит не только красочные словесные описания современников, но также и свидетельства археологии. Походы 1237—1241 гг. оказались катастрофой, уничтожившей военные резервы именно тех княжеств, которые издавна накапливали силы для борьбы со степью. Десятки русских городских центров навсегда запустели после батыева погрома. Утверждая это, Б. А. Рыбаков никогда не был сторонником теории тотального запустения Южной Руси в результате монголо-татарского нашествия и заселения ее впоследствии выходцами из Прикарпатья и Полесья.

Новые исторические концепции, оригинальные решения проблем социально-экономического и историко-культурного развития Руси, смелая постановка нерешенных наукой вопросов, остроумные гипотезы, выгодно отличающие труды Б. А. Рыбакова, вряд ли были бы возможны без той огромной работы, которую он осуществил в области русского источниковедения.

В своем блестящем исследовании — «Древняя Русь. Сказания, былины, летописи», которое является как бы введением в историю Киевской Руси, Б. А. Рыбаков разработал основные методологические принципы комплексного использования письменных источников, выявил тенденциозность их составителей и различия идеологических позиций летописцев и сказителей былин. В отличие от господствовавшего среди фольклористов убеждения об отсутствии исторического содержания былин, историк показал органическую их связь с определенными событиями и историческими деятелями. Былины — это поэтическая оценка истории самим народом, ее творцом, и в этом их огромное источниковедческое значение. В них прославляются люди, защищавшие русскую землю от иноземных захватчиков, рассказывается о событиях, в которых участвуют народные массы, они наполнены картинами жизни и быта Киевской Руси.

С не меньшей тщательностью Б. А. Рыбаков проанализировал те разделы летописного фонда, которые необходимы для понимания Киевской Руси от рождения до распада ее на самостоятельные княжества в XII в. Выделив летописные записи IX в. («летописи Аскольда»), он значительно удревил историю русского летописания. Большое впечатление производит также аргументация Б. А. Рыбакова о существовании киевского летописного свода 996—997 гг., складывавшегося одновременно с Владимировым циклом былин.

Ярко и глубоко дан источниковедческий анализ «Повести временных лет». Ученый убедительно доказал, что широкое изложение русской истории в сочетании с историей всего славянского мира, находившегося во взаимодействии с Византией и миром кочевников, осуществленное Нестором в «Повести временных лет», подверглось во времена Мономаха — Мстислава тенденциозному редактированию. В результате в «Повести временных лет» появились «норманская» концепция русской истории, не имеющая ничего общего с исторической действительностью. Реконструкция «Повести временных лет» Нестора является огромной заслугой Б. А. Рыбакова. Он не только восстановил истинную историческую концепцию крупнейшего русского историка начала XII в., но и показал полную научную несостоятельность норманизма.

Южно-Русское летописание эпохи феодальной раздробленности, отражая диалектические противоречия центробежных и центростремительных сил, как считает Б. А. Рыбаков, было пронизано прогрессивной идеей единства Руси или, по крайней мере, создания дружной федерации.

Изучение русского летописания эпохи феодальной раздробленности блестяще выполнено в монографии «Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве»». Трудная задача поиска автора «Слова» заставила Б. А. Рыбакова осуществить не менее трудную работу по сопоставлению русских летописей второй половины XII в. со «Словом о полку Игореве» и источниковедческому их анализу. Огромный летописный фонд расчленен историком на ряд авторских летописей, что позволило ему рассказать о целой плеяде русских летописцев второй половины XII в. — Поликарпе, Моисее, Кузьмище Киянине, Тимофее, Петре Бориславиче. Показав поразительное сходство, а местами и тождество летописи «Мстиславова племени», вошедшей в состав Киевского летописного свода 1198 г., и «Слова о полку Игореве», Б. А. Рыбаков высказал весьма прав-

доподобное предположение, что они написаны одним человеком — киевлянином Петром Бориславичем.

Позднее, в 1991 г., Б. А. Рыбаков опубликовал специальное исследование, посвященное поиску автора «Слова о полку Игореве». Называется книга «Петр Бориславич», но это не обычная биография знаменитого киевлянина. Скорее всего, это постижение тайны самого «Слова», которое, как считает Б. А. Рыбаков, было обрушено на русских князей и бояр как внезапный набатный звон, не столько извещающий о бесславном разгроме «полка Игорева», сколько предостерегающий о почти неминуемых новых нашествиях половцев. Как бы подражая автору «Слова», Б. А. Рыбаков разворачивает перед читателем эпические картины русской истории, углубляясь в нее на 800 и 1000 лет. Одновременно книга «Петр Бориславич» является и полноценным источниковедческим исследованием.

Реконструкция Киевского летописного свода 1198 г., являющегося ключом к разгадке авторства «Слова о полку Игореве», привела Б. А. Рыбакова к анализу «Истории Российской» В. Н. Татищева. Проведя сплошное обследование татищевских известий, и в каждом конкретном случае оценив степень их достоверности, он убедительно показал, что около 85% всех его добавлений, относящихся к XII в. (а их около 200), почерпнуты из, утраченной ныне, Раскольничьей летописи, представлявшей собой полную, еще не подвергшуюся сокращению Киевскую летопись двух поколений «Мстиславова племени». Этот исключительно важный вывод Б. А. Рыбакова отводит обвинения В. Н. Татищеву в сплошных подлогах, вымыслах и даже сознательной фальсификации исторических источников.

В серии источниковедческих трудов Б. А. Рыбакова большой интерес вызывают исследования, посвященные русским датированным надписям XI—XIV в. — важному дополнению летописей, а также русским картам Московии XV—XVI в. В первой работе Б. А. Рыбаков показал себя крупнейшим специалистом в области русской средневековой эпиграфики, во второй — тонким знатоком и исследователем исторической географии и картографии.

Обращение Б. А. Рыбакова к русскому картографическому наследию XV—XVI вв., скрытому под оболочкой старинных иностранных чертежей, представляется глубоко закономерным, поскольку он сам (пожалуй, как никто из историков) создал на протяжении своей научной деятельности множество схем и карт, являющихся картографическими моделями исторических реальностей. Значение исследования Б. А. Рыбакова заключается не только в том, что он значительно удвинул истоки русского картографического дела, выявил его вклад в мировую географию, определил даты и происхождение русских перво-

основ и источников иностранных карт Московии XV—XVI вв. Источниковедческие задачи, какими бы трудными они ни были, для Б. А. Рыбакова лишь первый этап исследования, на котором зиждятся его реконструкции исторических явлений и процессов. При помощи картографического материала XV—XVI вв. историк раскрыл важные стороны процесса объединения русских княжеств вокруг Москвы и формирования единого Российского государства.

С большой увлеченностью Б. А. Рыбаков работает и в области русской культуры. Этой важной проблеме посвящены отдельные главы больших обобщающих работ («Древняя Русь», «История СССР», «Первые века русской истории»), а также специальное монографическое исследование «Русское прикладное искусство X—XIII веков». Анализ памятников прикладного искусства X—XIII вв. позволил Б. А. Рыбакову показать его глубокие тысячелетние корни, высокий уровень развития, взаимодействие с иранским, византийским и западноевропейским искусствами.

Исключительный интерес представляет раскрытие содержания русского прикладного искусства X—XIII вв. В отличие от дореволюционной историографии, считавшей, что вся жизнь древнерусских людей была насквозь пронизана христианским мировоззрением, Б. А. Рыбаков показал на примерах прикладного искусства живучесть древней языческой символики. Расшифровывая семантику русского прикладного искусства, историк вводит нас в мир народных представлений о земледельческих культурах, о борьбе добра и зла, о ритуально-заклинательных символах, купальской обрядности, другими словами — в живую русскую действительность X—XIII вв.

Запас творческой энергии Б. А. Рыбакова кажется неисчерпаем. Убедительным подтверждением этому служит, в частности, монография «Стригольники», вышедшая в свет в 1993 г. В ней, на большом архивном и фактическом материале, историк исследует историю возникновения в России XIV в. еретического движения так называемых стригольников, «развратников веры». Примерно с третьей четверти XIV в., как полагает Б. А. Рыбаков, у новгородских стригольников возник новый обряд: приносить покаяние перед причастием не священнику, а врытому в землю кресту, на котором вырезаны слова покаянной молитвы. Он подчеркивает ошибочность взгляда на стригольников как на людей, отвергающих в принципе таинство покаяния и причащения. Они придерживались этого церковного обряда, только считали недопустимым каяться перед грешным же иереем и заменили его «разумным древом».

Постижение истинного исторического места стригольничества и самой сущности этого движения обусловили выход Б. А. Рыбакова за пределы XIV в. В результате такого подхода он убедительно показал, что стригольники второй половины XIV в. — это не какое-то новое неожиданное общественное движение, а прямое и непосредственное продолжение того, что началось еще в первые годы татарского разгрома. Стригольники не разрушали общественных устоев и не ниспровергали церковь, но заботились о том, чтобы христианское, православное дело делалось чистыми руками нравственно чистых людей.

До сих пор речь шла о Б. А. Рыбакове преимущественно как о выдающемся историке. Это справедливо, но неполно. Не менее яркий след оставил он и в археологии, которой посвятил практически всю свою творческую жизнь. Его экспедиционная деятельность связана, главным образом, с Украиной. Здесь он исследовал Чернигов и Переяславль, Вышгород и Белгород, Любеч и Вишиж, Витачев и Торческ, Треполь, ряд других древнерусских поселений Киевского Поднепровья и Поросья.

Особенно значителен вклад Б. А. Рыбакова в археологию Черниговской земли. В самом Чернигове его экспедицией в 1946—1959 гг. исследованы остатки Благовещенской (1186 г.) и Михайловской (1174 г.) церквей, ряд других археологических объектов в «Окольном городе» и «Предгородье». Ему удалось проследить культурные слои, датирующиеся VII—VIII вв., и на этом основании сделать вывод об образовании на базе поселений этого времени города Чернигова.

Б. А. Рыбакова по праву можно назвать соавтором Д. Я. Самоковсова в исследовании черниговского курганного некрополя, в том числе и знаменитого кугана X в. Черная Могила. Осуществив скрупулезное изучение материалов

раскопок Д. Я. Самоквасова, Б. А. Рыбаков предложил убедительную реконструкцию погребального обряда. Исходя из размещения находок, он пришел к выводу, что на погребальном кострище были сожжены: пожилой знатный воин, воин-юноша и молодая женщина, сопровождаемые богатым погребальным инвентарем. Согласно расчетам Б. А. Рыбакова, курган Черная Могила имел высоту более 10 м, окружность 125 м, объем насыпи около 6 тыс. м³.

В 1949 г. вышла в свет монографическая работа Б. А. Рыбакова, посвященная древностям Чернигова (МИА, 1949.—№ 11.—С. 7—102). До наших дней она остается лучшим образцом не только вещеvedческого анализа, но и исторических реконструкций.

Четыре археологических сезона посвятил Б. А. Рыбаков исследованию одного из древнейших русских городов Любеча, где ему удалось произвести полные раскопки замка, частично посада и курганного могильника в урочище Высокое поле. В результате раскопок, впервые в отечественной археологии была получена возможность документальной реконструкции городского детинца, являвшегося, по существу, феодальным замком. Он занимал сравнительно небольшой (100×30 м) останец высотой около 40 м. По его краю проходили укрепления, состоявшие из системы дубовых городен, над которыми возвышалась деревянная стена — заборола. Внутренняя площадка была застроена деревянным трехэтажным княжеским дворцом, башней-донжоном, рядом хозяйственных зданий, а также небольшой деревянной церковью. По подсчетам Б. А. Рыбакова, общая вместимость всех хозяйственных хранилищ здесь измерялась сотнями тонн. Их хватило бы гарнизону численностью 200—250 человек в течение года.

Не преследуя цели исчерпывающего обзора полевых археологических исследований Б. А. Рыбакова, хотелось бы, тем не менее, упомянуть здесь еще один объект его интереса. Речь идет о летописном городе Торческе, являвшемся в XII в. административным центром черных клобуков и всего Поросья. Уже давно исследователи связывали с ним огромное (90 га) городище, находящееся в 38 км к востоку от Белой Церкви, между селами Ольшаница и Шарки. Раскопки Б. А. Рыбакова показали, что это был крупный берендейский город, детинец которого представлял собой русский квартал. Здесь же была, вероятно, и резиденция русских князей. В пределах второго и третьего колец укрепления располагались черноклобуцкие кварталы, а также загоны для скота.

Говоря об археологической деятельности Б. А. Рыбакова, трудно отрешиться от мысли, что он не только русский, но и украинский исследователь. Профессиональная и человеческая его привязанность к Украине достойна уважения. Опосредованно она связывала с далеким древнерусским прошлым нашего края, но неизменно питалась и современными реалиями. В Украине Б. А. Рыбаков поддерживал творческое взаимодействие со своими коллегами-ровесниками: В. И. Довженком, А. И. Тереножкиным, С. Н. Бибиковым, Ю. Н. Захаруком, В. А. Богусевичем, В. К. Гончаровым, М. Ю. Смишко, А. А. Ратичем. В его экспедициях прошли школу полевой археологии: С. Р. Килиевич, Г. Г. Мезенцева, Р. А. Юра, С. А. Высоцкий, И. И. Едомаха, М. А. Попудренко, М. Ю. Брайчевский, А. Т. Смиленко, Г. А. Вознесенская, В. И. Бидзиля и др.

Мне также посчастливилось провести сезон в экспедиции Б. А. Рыбакова (Любеч, 1958 г.). Меня и моих молодых коллег буквально поражали щедрость, с которой Б. А. Рыбаков делился с нами своими знаниями, его удивительная археологическая интуиция в поиске древних объектов, невероятная энергия, всецело вовлекавшая нас в свое силовое поле. До сих пор памятни мне субботние обходы, во время которых каждый руководитель раскопа должен был объяснить, что ему удалось открыть в течение рабочей недели. После следовали объяснения самого Бориса Александровича, превращавшиеся в увлекательное путешествие в прошлое. В его образных рассказах буквально оживали картины Любечской битвы Святополка и Ярослава 1015 г. или съезда князей в 1097 г. Замок же, который мы раскапывали, обретал почти физическое осязание.

В завершение этого очерка, хотелось бы низко поклониться Б. А. Рыбакову за его воистину подвижнический труд на поприще отечественной истории и археологии, пожелать ему доброго здоровья, радости новых открытий и такого же, как прежде, «золотого пера».